

Фото Дарьи Лобановой

Ксения Шталенкова

писатель, драматург, исследовательница визуальной культуры, выпускница и преподаватель Европейского гуманитарного университета. С 2020 года занимается театральными проектами, связанными с еврейским наследием и Холокостом.

Проявляя невидимое Опыт работы над аудиовизуальной инсталляцией ЭКСТЕРМИНАЦИЯ для Большой хоральной синагоги в Гродно

Ксения Шталенкова

Manifesting Invisible The Experience of Working on the Audiovisual Installation EXTERMINATION for the Great Choral Synagogue in Grodno

The article, written by the lecturer and graduate of the European Humanities University Kseniya Shtalenkova, is an attempt to document the work on the audiovisual installation dedicated to the history and heritage of the Great Choral Synagogue in Grodno. As a result of an interdisciplinary project, which was developed by both researchers and contemporary Belarusian artists, an audiovisual artwork has emerged, which has already been shown several times both in Belarus and Lithuania. The project is an attempt to interlink personal and historical, material and spiritual heritage. The text is accompanied by an extensive reflection on the circumstances of the project's emergence.

Обстоятельства работы над проектом

Трудно представить более неподходящий год для реализации независимого театрального проекта в Беларуси, чем 2021. Во-первых, любое публичное мероприятие с вовлечением зрителей представлялось достаточно рискованным в условиях продолжающейся пандемии COVID-19. В самом деле, коронавирус дважды мог сорвать подготовку проекта и едва не отменил две его презентации. И во-вторых, после мирных протестов 2020 года обязательным условием для проведения всех культурно-зрелищных мероприятий в Беларуси, включая некоммерческие, стало оформление гастрольного удостоверения. А это неизбежно привело бы к столкновению с государственными институциями, что в последние два года представляется как крайне нежелательная перспектива и само по себе, и тем более в связи с моей «сомнительной» аффилиацией в ЕГУ.

1 В качестве результата работы в лаборатории «Уже готовый мир» на театральном форуме «Теарт-10» в октябре 2020 года в культурном хабе Ок16 в Минске по этой пьесе мной был представлен эскиз спектакля в формате авторской читки вместе с художником Романом Енотовым. Для своеобразной реконструкции «Ямы» и спуска в нее пространство показа было разделено на две части. Во-первых, это был коридор со старыми этюдниками и фотографиями с видами разрушенного Минска периода немецкой оккупации, среди которых также можно было увидеть реальные фотографии моей прабабушки Клары, бывшей узницы Освенцима, чья история частично легла в основу пьесы. И во-вторых, это был зрительный зал, где среди стульев для зрителей стояли старые стулья из домашних интерьеров, занятые чемоданами и предметами одежды. Позднее, в марте 2021 года, подкаст «3 акт» также выпустил аудиоспектакль по пьесе, а в июле 2021 года совместно с театр-студией «SEPT» по приглашению Исторической мастерской имени Леонида Левина провел еще одну читку в рамках цикла мероприятий к 80-летию Минского гетто. Изначально читка планировалась в самой мастерской, находящейся буквально в километре от мемориала «Яма», однако позже в целях безопасности она была перенесена в здание Центра им. Йоханнеса Пау, что снизило site-specific-эффект. Тем не менее, для этой читки использовались репродукции офортов Лазаря Рана, посвященных Минскому гетто, которые были предоставлены мне для работы с любезного разрешения его правнучки, художницы Глории Ран.

Однако в начале года все эти обстоятельства виделись скорее туманными и маловероятными, хотя и смутно ожидаемыми. В январе Степан Стурейко предложил мне в качестве куратора и драматурга взяться за проект, который должен был стать частью и продолжением большого цикла различных активностей Белорусского комитета ИКОМОС и ЕГУ под общим названием «Сохранение и актуализация бывших синагог в Беларуси в интересах локальных сообществ».

Изначально речь шла о том, чтобы сделать перформанс в жанре site-specific, что позволило бы с помощью средств театрального искусства проявить актуальность наследия, связанного с синагогами, в какой-либо белорусской локации. Нам предстояло выбрать такую локацию из списка доступных для сотрудничества, и оптимальным решением показался выбор в пользу Большой хоральной синагоги в Гродно. Это одна из наиболее старых и красивых действующих синагог Беларуси с удивительной и противоречивой историей, охватывающей без малого пять столетий. Однако она функционирует и как культурное пространство, где работает музей и где ранее уже проходили театральные показы, в частности документальный спектакль Анны Сулимы Записная, основанный на записках узника гродненского гетто.

Но если выбор локации на первый взгляд предвещал увлекательное исследование, то формат перформанса, связанный с художественным решением для презентации результатов этого исследования, скорее вызывал вопросы. Что можно делать в синагоге? Или точнее: что может быть позволено делать в синагоге? Или еще точнее: что может быть позволено делать в синагоге, которая принадлежит конфессии ортодоксального иудаизма? Апогеем уточнений мог бы стать вопрос: «Может ли женщина, не принадлежащая к конфессии ортодоксального иудаизма, задумываться о возможности работы над site-specific-перформансом, посвященном Большой хоральной синагоге в Гродно?» Но он не

приходил мне в голову, пока я наконец не приехала в локацию нашего проекта и не услышала, что «девушка, к тому же не еврейка – это уже плохо». Впрочем, это высказывание не исходило от официальных представителей синагоги, а потому было воспринято мной как побочное, хотя позднее оно повлияло на формирование драматургической части проекта.

Вместе с этим возникал и вопрос уместности такого проекта по отношению к белорусскому культурному дискурсу в целом, ведь основной темой художественных высказываний в 2021 году все еще было преодоление травмы, связанной с президентскими выборами 2020 года.

В 2020 году у меня уже был опыт работы в, казалось бы, невозможных и нежелательных условиях с site-specific-проектом на тему, также связанную с еврейским наследием и как будто выходящую за пределы текущей актуальности. В рамках режиссерской лаборатории «Уже готовый мир» Елены Мальцевской и Александра Марченко я написала пьесу MEMORIA NOMINIS CLARA и подготовила эскиз к спектаклю по ней. Пьеса была посвящена Минскому гетто и мемориалу «Яма». В основе ее сюжета лежит вымышленная история семьи двух художников, замкнутая на пространстве «Ямы» и циклично возобновляемая в нем с 1941 года по наше время¹.

Весной 2020 года меня смущало, что я пишу текст о Холокосте, пока все работают с темой пандемии, стремительно переросшей в тему мирного протеста. Но чем дальше выстраивался этот проект, тем скорее лейтмотив «всесождения» приобретал для меня более широкое значение, связанное и с семейной – в первую очередь женской – историей, и с проблемой идентичности в белорусском культурном поле, и с вопросом о невозможности художественного усилия в экстремальных условиях. Поэтому работу над проектом о Большой хоральной синагоге в Гродно я в существенной степени восприняла как возможность продолжить уже начатый разговор.

Помимо этого, мои научные интересы, связанные с направлением визуальных исследований, и параллельный опыт преподавания на семинаре по социальным наукам с опорой на текст Ортеги-и-Гассета ЧЕЛОВЕК и люди с его вещами «наличествующими» и «соприсутствующими» позволили очертить концептуальную рамку проекта. Мне было интересно сделать проект про взаимодействие материального как зримого и нематериального как воображаемого в контексте наследия, связанного с Большой хоральной синагогой.

Из-за продолжающейся пандемии было принято решение заменить перформанс на инсталляцию. Это позволяло сделать более гибкими условия будущего показа: с одной стороны, инсталляцию можно демонстрировать более продолжительное время без необходимости постоянного живого участия со стороны авторов, а с другой – ее может посещать меньшее количество зрителей за единицу времени. Я представляла себе эту инсталляцию как некое сочетание визуального нарратива и аудио, озвучивающего текст о синагоге, который мне предстояло написать.

Погружение в пространство памяти

Итак, к марту 2021 года мы уже определились не только с локацией, но и с форматом нашего проекта, а кроме того, собрали команду студентов, помогавших с исследовательской частью. В эту команду вошли Людмила Ильина, Никита Балабин, Олеся Олейник и Юлия Карпенкова – выпускники 2022 года программ ЕГУ по наследию. В марте мы провели предварительное погружение в историю синагоги и еврейского квартала в Гродно, чтобы в апреле отправиться в экспедицию с четким пониманием того, что мы можем и должны увидеть в нашей локации.

Важным собеседником для меня стала исследовательница креативных подходов к интерпретации наследия Светлана Кондратьева, первой обратившая мое внимание на символ граната, важный и для еврейской культуры в целом, и для Большой хоральной синагоги в Гродно. Считается, что в гранате 613 зернышек, что равно числу заповедей в Торе, поэтому в декор синагоги включено множество розеток с изображением граната. Позднее

Светлана поддержала меня и в намерении включить в проект линию личного переживания места, поскольку оно оказалось отнюдь не таким податливым и открытым для работы, как я ожидала, когда готовилась к поездке.

В целом мои ожидания, ставшие результатом предварительного исследования, на месте вступили в конфликт с реальностью. Первым и, пожалуй, главным проблематичным моментом оказалась достаточно сложная система внутренних иерархий между общественными организациями, сотрудничающими с синагогой, из-за чего была затруднена коммуникация с ее официальными представителями.

Другим, уже в меньшей степени проблематичным для меня моментом стало отсутствие живой истории в пространстве синагоги. Так как здание было возвращено еврейской общине лишь в 1991 году, новая историчность в прямом смысле здесь еще не сложилась; она скорее связана с ежедневными социокультурными практиками, которые не воспроизводятся из прошлого самой синагоги, поскольку после окончания Второй мировой войны в Гродно практически не осталось естественных свидетелей этого прошлого. В этом смысле интересно было обратиться к концепции «disinherited heritage» (с англ. – наследие, которое лишено перспективы быть унаследованным), о чем применительно к Большой хоральной синагоге в Гродно пишет Инна Соркина [6].

Кроме того, возникает и вопрос, о каком именно прошлом мы говорим. Первое здание Большой хоральной синагоги в Гродно было построено в период с 1575 по 1580 год, однако в 1617 году она сгорела, а затем была отстроена заново. Но и вторая синагога была разрушена пожарами 1885 и 1899 годов, после чего от нее остался только большой молитвенный зал. В период с 1902 по 1905 год здание синагоги было возведено в третий раз. Безусловно, такая историческая цикличность обладает интересным драматургическим

потенциалом, однако в контексте разговора о сохранении наследия она производит обескураживающее впечатление: есть ли здесь вообще какое-либо место живой памяти и возможность ее разделить? Это впечатление усиливается в пространстве самой синагоги, в которой до сих пор ведется реставрация. Несмотря на то, что она достаточно хорошо сохранилась, многие ее помещения в период с 1939 по 1991 год претерпели значительные функциональные трансформации. В действующей синагоге это многообразие невозможно сохранить одновременно, поэтому здесь также возникает ряд вопросов, связанных с понятием аутентичности и системы координат, в которой мы принимаем это понятие.

И в этом отношении у меня возникла третья проблема. Прежде чем ехать в синагогу, я посмотрела документальный фильм 263 ночи. Чудо спасения (снят студией исторических фильмов «Мастерская Владимира Бокуна») о Минском гетто, что не имело никакого отношения к моей работе над инсталляцией, но в итоге помогло выстроить драматургию текста. В конце фильма маленькая девочка рассказывает о молитве «Шма», а потом прикрывает глаза правой рукой и начинает петь. Это один из самых страшных моментов фильма, который позволил мне убедиться в том, что тема зримого и воображаемого будет уместна в контексте разговора о еврейском наследии, в особенности касательно жизненного цикла и семейной истории, которые могут быть связаны с синагогой. Я заранее решила для себя, что «Шма» обязательно станет частью проекта, хотя еще не сформулировала, как именно. Под впечатлением от этого я ехала в Гродно с внутренним ощущением готовности к некоему откровению, которое, как мне казалось, непременно случится со мной в момент посещения синагоги.

Но в реальности я испытала разочарование от стерильной белизны стен синагоги, в которой было сложно ухватить дух истории, от толпы туристов, из-за которой было не-

возможно толком поговорить с нашими посредниками, от ремонтного мусора в боковом помещении, куда в будущем предполагалось поместить нашу инсталляцию. И от самой себя в медицинской маске, не позволявшей ни полноценно дышать, ни пользоваться собственным голосом, чтобы задать те вопросы, которые я планировала задать, готовясь к поездке.

Моим главным достижением во время визита в Гродно стало приобретение книги Бениамина Ерузалима Боль памяти [2] о Гродненском гетто, из которой я узнала о книге Феликса Зандмана Никогда не гаснет надежда [3], где последний делится детскими воспоминаниями о Гродно и о своей бабушке. Так я вернулась к вопросу о семейной и женской истории, остававшейся для меня по-прежнему важной, но по-прежнему ускользавшей в обилии сухих исторических фактов о синагоге вместе с информацией о галерее, на которой раньше молились женщины. Это помещение не удавалось четко локализовать в нынешнем пространстве синагоги, что придало моим поискам едва ли не детективный характер.

В период с мая по середину июля я продолжала перерабатывать исследовательский материал, но он никак не помогал мне продвинуться в работе и связать воедино все это информационное разнообразие. Меньше всего мне хотелось делать проект в виде исторической справки, дублировавшей данные, которые зритель мог бы найти самостоятельно. Вместе с тем меня волновал и визуальный момент. Казалось странным снимать саму синагогу для инсталляции, которая изначально должна была демонстрироваться в этом же пространстве. С другой стороны, каких-либо других документальных визуальных свидетельств, связанных с синагогой, было немного. Так, в альбоме Синагоги Владимира Лиходедова [4] нашлись лишь четыре открытки с изображением Большой хоральной синагоги в Гродно.

Мне помогли несколько случайных событий. Перечитывая для своей диссертации тексты Бодрийяра о символическом обмене, я наткнулась на слово «экстерминация» и решила выяснить его этимологию. Лучшим образом она определена в эссе Идеальное преступление, где Бодрийяр пишет о том, что «экстерминировать» – это не убить, а лишить конца. Такое определение наложилось в моем восприятии на историю пожаров, которые трижды разрушали здание синагоги, а этимологическое значение Холокоста как «всесожжения» добавило к ним еще один. Так появилось название проекта.

Решение и реализация

Это подтолкнуло меня вернуться к историческим материалам, и в очередной раз перечитывая статью Инны Соркиной о синагогах Гродно, я обратила внимание на историю о призраке «жидовочки», являвшейся в синагоге на месте женской галереи. Узнать подробнее что-либо об этой легенде не представлялось возможным, но это оказалось той самой живой деталью, которая была необходима для драматургии проекта. И именно в этот момент решение пришло в форме комического озарения, которое я рассчитывала испытать еще в Гродно, но оно настигло меня в совершенно обыденной ситуации. В конце июля после планового осмотра офтальмолога меня на всякий случай направили к лазерному хирургу, который в итоге объявил, что приходиться к нему мне было незачем. Но ощущение легкого ужаса перед неизвестностью в момент ожидания результатов исследования позволило мне вернуться к теме зримого и воображаемого уже на новом уровне переживания. Мне наконец-то удалось связать разрозненные мысли в единую концепцию, и я написала Виктории Богданович, молодой белорусской художнице, которая также учится в ЕГУ на программе «Визуальный дизайн», поскольку

мне стало ясно, что разделить мои сумбурные идеи сможет именно она.

Раньше я уже была знакома с проектами, над которыми Виктория работала в университете и за его пределами. В частности, я вспомнила серию ее фотографий Дочки-матери, что в очередной раз позволило утвердиться и в теме женского, и в теме визуального. В начале августа, когда мы встретились с Викторией, чтобы обсудить проект, у меня была готова только общая драматургическая концепция в виде истории двух женских голосов. Один из них принадлежал «жидовочке», маленькой девочке, читающей «Шма», а второй – исследовательнице, сталкивающейся с призраком девочки и пытающейся проявить в ослепляющем белом пространстве синагоги образ утерянной женской галереи. Виктория сразу предложила визуальное решение – стерильная белизна, зафиксированная в стабильной форме, которая намеренно разрушается под внешним воздействием, в противовес прозрачной живой сочности ярко-красного граната.

Август и сентябрь мы работали над черновым вариантом инсталляции: сначала я подготовила первый вариант текста, а Виктория разработала раскадровку с детализацией каждой отдельной сцены. Читая эту раскадровку, я испытала такой же пронизывающий, но благоговейный ужас, как при просмотре сцены со «Шма» из фильма 263 ночи. Чудо спасения, и поняла, что это добрый знак. После этого я записала пробное аудио для расчета хронометража, а Виктория собрала съемочную группу², вместе с которой она приступила к записи видео.

Чтобы добиться полной синергии, мы гибко подгоняли каждую из частей проекта друг к другу. Основным образом нашей инсталляции стал белый гипсовый куб, внутри которого спрятан гранат: на протяжении 35 минут, в течение которых длится аудиовизуальный нарратив, куб претерпевает различные трансформации, приводящие к тому, что гранат полностью вынимают и буквально уничтожают, а появившуюся полость заливают гипсом. Всё это происходит

параллельно с монологом об истории места и опыте отдельного человека во времени и пространстве, застывающем в герметичной системе координат синагоги. В конце инсталляции звучит молитва «Шма», которую специально для проекта исполнила Фейга-Александра Босякова. Так в нашей инсталляции сплетается множество голосов на самых разных уровнях: это и буквально голоса Фейги-Александры и мой собственный; голоса двух действующих лиц, рассказывающих историю свою и синагоги; наконец, это голоса драматурга и художника, обусловившие наше соавторство с Викторией. В октябре мы полностью завершили работу над проектом и приступили к поиску возможностей для премьеры ЭКСТЕРМИНАЦИИ.

К лету 2022 года у нас прошло четыре презентации. 27 ноября 2021 года мы провели в гибридном формате премьерный показ и дискуссию в Вильнюсе при поддержке ЕГУ и Центра белорусской общины и культуры. После этого мы сделали несколько показов в Минске. 11 января презентация проекта прошла в арт-пространстве «Вершы Культурныя», после чего 12 января, а также 15 и 16 января в пространстве продолжались закольцованные нон-стоп показы инсталляции, а 11 февраля в гибридном формате прошел показ и дискуссия в Центре прогрессивного иудаизма «Бейт Симха». В апреле 2022 года мы узнали о том, что наш проект вошел в лонг-лист международного кинофестиваля «Genesis», а 16 июня прошел онлайн-показ и обсуждение проекта в рамках фестиваля интеллектуальной книги «Pradmova».

В ситуации, когда все показы прошли вне пространства Большой хоральной синагоги, самым частым вопросом, который за это время задавали нам с Викторией, стал следующий: «Почему в инсталляции не использованы изображения самой синагоги?». И мы решили для себя, что самое важное, что мы хотели бы сделать для синагоги, это привлечь внимание зрителя, который за-

хочет побывать в ней. К сожалению, у нас нет возможности собрать полные данные о том, сколько наших зрителей на самом деле съездило туда. Но на следующий день после онлайн-показа на фестивале «Pradmova» мне написали Валентин и Матвей, выпускники Лицея БГУ 2022 года, увидевшие инсталляцию и отправившиеся ночным поездом из Минска в Гродно, чтобы увидеть синагогу и ощутить себя сопричастными ее голосу. И по-моему, это главный итог невероятного времени нашей работы над этим проектом, когда многое казалось невозможным, но именно оно привело нас к удивительному опыту переживания того, что скрыто от глаз.

Использованная литература

- [1] Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту (сборник). Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 196 с.
- [2] Ерузалим Б. Е. Боль памяти. Холокост на Гродненщине. Гродно: ЮрСаПринт, 2020. 288 с.
- [3] Зандман Ф., Ханов Д. Через тернии к звездам: от Вишей – к «Вишей». Vishay Intertechnology, 1994. 463 с.
- [4] Лиходедов В. Синагоги. Еврейская жизнь. (Открытки). Минск: Рифтур, 2007. 240 с.
- [5] Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. Москва: Весь мир, 1997. С. 480–698.
- [6] Соркина I. Синагогі Гродна ў кантэксце праблемы «disinherited heritage» (спадчына без спадчыннікаў) // Цайтшрыфт. Том 7 (12). Вільня: ЕГУ, 2020. С. 14–35.

2 В нее вошли Катерина Бурко (изготовление куба), Катерина Бенднарская (операторская работа и монтаж), Владимир Вылинский (свет) и Ultrafeminism prod. (звук).